

Хэ Чжэньшу и Пэй Чанлин пробыли в городке ещё несколько дней.

Чтобы не волновать родных, Хэ Чжэньшу написал письмо и попросил передать его в деревню — объяснил, что случилось.

Поскольку в «Ваньжэньтане» сейчас не принимали других больных, во всём лечебном дворе жили только они вдвоём. Бай Лянь заранее сказал помощнику готовить им еду и ничего с них не брать. Так что пару дней они прожили спокойно и без забот. Даже слишком спокойно, настолько, что Хэ Чжэньшу начал испытывать тревогу.

Причина была проста — Бай Лянь всё это время не показывался.

Хотя Хэ Чжэньшу знал из своей прошлой жизни, что в той медицинской книге действительно было средство от болезни девушки из семьи Лу, но ведь тогда Бай Лянь так и не успел применить его на практике. А вдруг и теперь тот упрямый лекарь всё-таки потерпел неудачу?

С этими тревожными мыслями он ждал, теряя покой, пока наконец на третий день не услышал новость.

"Состояние госпожи Лу улучшилось, она больше не кашляет кровью" - сообщил помощник.

Хэ Чжэньшу тут же спросил:

"А доктор Бай?"

"Доктор Бай уже несколько дней не смыкал глаз. Когда убедился, что с госпожой Лу всё в порядке, прямо там, в доме Лу и уснул" - вздохнул помощник покачивая головой. "Сейчас он всё ещё спит у них".

Хэ Чжэньшу: «...»

Бай Лянь проспал целые сутки и ночь. Когда он вновь появился, уже на следующее утро, первым делом подошёл к Хэ Чжэньшу и, не говоря лишнего, низко поклонился:

"Благодарю господина за то, что спас жизнь Инъин".

Хэ Чжэньшу покачал головой:

"Доктор Бай, вы слишком любезны".

Ведь этот метод лечения изначально был найден самим Бай Лянем в прошлой жизни. Заслуга принадлежала ему, не Хэ Чжэньшу.

Получается, что Бай Лянь спас Лу Инъин сам.

Не желая продолжать разговор, Хэ Чжэньшу просто сказал:

"Теперь доктор Бай сможет заняться лечением моего мужа?"

"Разумеется" - ответил Бай Лянь.

Несколько дней назад он уже бегло осмотрел Пэй Чанлина, но тогда всё его внимание было приковано к болезни госпожи Лу, да и сам он был на пределе. Сегодня же он вновь внимательно осмотрел больного — посмотрел, послушал, расспросил, прощупал пульс.

Спустя некоторое время Бай Лянь убрал руку с его запястья и сказал:

"Сейчас я проведу сеанс иглоукалывания, затем выпишу лекарство. Через месяц приходите на повторный приём".

Пэй Чанлин нахмурился:

"Ещё и иглоукалывание?"

"У тебя сердце и меридианы закупорены" - спокойно объяснил Бай Лянь. "За все эти годы кровь и ци застоялись в груди, болезнь укоренилась. Нужно пробить застои иглами, чтобы восстановить поток".

Он, похоже, был подготовлен к этому заранее, открыл свой ящик с лекарствами, достал кожаный футляр, развернул его на столе — блестел целый ряд тонких серебряных игл.

"Сегодня только первый сеанс" - сказал он, не поднимая головы. "Посмотрим на результат. Потом придётся повторить ещё несколько раз".

Бай Лянь достал несколько игл, поднёс их к огню, стерилизовал пламенем и сказал :

"Иди в соседнюю комнату. Сними верхнюю одежду и ложись".

Пэй Чанлин: «...»

Он нехотя поднялся, откинул занавеску и зашел внутрь. Хэ Чжэньшу пошёл следом, помог ему развязать пояс и, заметив, как тот напрягся, тихо спросил, чтобы услышал только он:

"Ты ведь не боишься уколов?" Он нахмурился и искренне удивлённый добавил:

"Ты ведь когда работаешь с резцами и долотом, то ничего не боишься".

Пэй Чанлин бросил косой взгляд на сидящего снаружи Бай Ляна, сжал губы и промолчал.

Хэ Чжэньшу понял и хихикнул:

"А-а, понял! Ты боишься не игл, а врача".

Чем больше он думал об этом, тем сильнее ему хотелось смеяться. Он едва удержался, чтобы не расхохотаться вслух:

"Хочешь, я побуду здесь с тобой? Возьмёшь меня за руку — и не так страшно будет".

Пэй Чанлин крепче сжал ворот рубахи, уши у него заметно покраснели:

"Выйди".

Бай Лянь сделал Пэй Чанлину иглоукалывание и выписал месячный курс травяных отваров.

Они уже довольно долго были здесь, и поэтому, получив лекарства, не стали больше задерживаться и отправились домой пораньше. Примерно к полудню (13.00-15.00) двое на воловой повозке добрались до деревни Сяэхэ.

Обычно в это время дня все крестьяне уже возвращались домой, готовились к ужину — на улице редко можно было кого-то встретить. Но стоило им въехать в деревню, как впереди они заметили толпу: у ворот одного дома собралось множество людей, гомон стоял сильный.

Пэй Чанлин приподнял занавеску на повозке, прищурился и разглядел:

"Кажется, это дом семьи Лю".

Семья Лю несколько лет назад разделила хозяйство. Большинство братьев той семьи разъехались — кто в город, кто в уезд, там и остались. В деревне жил лишь младший — третий сын семьи Лю.

Тот самый Лю Лаосань, который когда-то хотел выдать свою дочь замуж в дом Пэев, а получив отказ, начал распускать о них сплетни. Тогда Хэ Чжэньшу случайно услышал это и натравил на него собаку, чтобы проучить.

Хэ Чжэньшу сразу вспомнил, какой сегодня день, и уже догадался, что случилось у Лю.

"Ай-ай, гляди, как он грохнулся" - донёлся из толпы голос. "Встать не может совсем".

"А кто виноват? Сам виноват! Крыша у него протекла после дождей, я же говорила — позови Пэя-плотника, пусть починит. Нет, он упрямый, решил сам залезть чинить. Вот теперь результат — наверняка перелом костей".

"Не удивительно. Я, кстати, видела, как его дочка недавно побежала из деревни — наверное, за лекарем".

Хэ Чжэньшу подъехал на повозке ближе к дому Лю. За низким забором, на утоптанной земле, лежал Лю Лаосань, бледный, корчась от боли и жалобно стонал.

Его жена сидела рядом, вытирала ему холодный пот и всхлипывала, не в силах сдержать слёзы.

Падение, похоже, было действительно серьёзным.

Хэ Чжэньшу вспомнил: в прошлой жизни этот человек тоже упал с крыши и сломал ногу. Тогда дочь Лю побежала за лекарем, но потеряла слишком много времени. Когда врач наконец добрался до деревни, уже стемнело. Жизнь Лю Лаосаню удалось спасти, но нога так и не срослась — он остался калекой.

А для крестьянина сломанная нога — значит, потерять всё: работу, доход, смысл жизни. Говорили, что в отчаянии Лю даже хотел отдать свою дочь в наложницы богатому горожанину — лишь бы прокормить семью.

Хэ Чжэньшу раньше думал, что может, стоило предупредить Лю, чтобы тот был осторожнее и не лез на крышу. Но кто бы знал, что они с Пэй Чанлинем так надолго задержаться в Циншань? Про эту мысль он совсем забыл.

"При травмах и переломах нельзя медлить. Ждать врача дома — не выход" - вдруг сказал Пэй Чанлин.

Хэ Чжэньшу повернулся к нему:

"Ты что, и правда переживаешь за него? После всего, что Лю про тебя говорил?"

Он прекрасно помнил, как раньше семья Лю сплетничала о Пэе за его спиной. Даже сейчас, пока их не было в деревне, наверняка продолжали шептаться и придумывать гадости.

Но Пэй Чанлин лишь покачал головой:

"Всё-таки речь о человеческой жизни".

Хэ Чжэньшу вздохнул. Он и не удивился. Маленький, болезненный муж, каким бы замкнутым он ни казался, имел сердце мягче любого другого.

"Ладно, - смирился он, - я отвезу его к врачу на нашей повозке".

Он посмотрел на Пэя и мягко добавил:

"У тебя хватит сил дойти до дома самому?"

Хэ Чжэньшу попросил одного из зевак проводить Пэй Чанлиня домой, а сам взялся за повозку и повёз Лю Лаосаня с женой из деревни.

Состояние Лю было тяжёлым — доехать до городской лечебницы они бы не успели. К счастью, в соседней деревне Циншуй, всего в нескольких миль от Сяхэ, жил знахарь, «босоногий доктор». После смерти старого деревенского лекаря жители Сяхэ как раз ездили туда на приём при любой болезни.

"Пэй... Пэйская госпожа, если бы не вы, мы бы совсем пропали..." - сквозь слёзы всхлипывала Лю Шаньшэнь, сжимая руку мужа.

"Не стоит благодарностей, тётушка", - ответил Хэ Чжэньшу.

До Циншуй было недалеко. Он слегка подстегнул вола, и меньше чем за время горения одной палочки благовоний повозка приехала к окраине деревни.

"Муженёк, потерпи чуть-чуть, мы почти приехали" - всё ещё плача приговаривала Лю Шаньшэнь, не отпуская руку мужа.

Но Хэ Чжэньшу не направил повозку в деревню, а наоборот, повернул в сторону, на узкую тропу, ведущую в горы.

"Эй, госпожа Пэй, куда это вы?" - испуганно спросила Лю Шаньшэнь.

Хэ Чжэньшу, притормозил вола и стал оглядываться по сторонам:

"Лекарь Сунь сейчас не в деревне, я везу вас к нему".

Он знал это точно — в прошлой жизни Лю Лаосань и пострадал так тяжело именно потому, что тот знахарь тогда ушёл в горы собирать травы. Дочь Лю напрасно искала его в деревне, потом кинулась по следам в лес, потратив драгоценное время.

... В прошлой жизни Хэ Чжэньшу тоже никогда не бывал в этих местах, но он знал: в деревне Циншуй только одна тропа от входа в деревню ведёт в горы — значит, если идти по ней, он точно не ошибётся.

Повозка медленно катилась по извилистой горной дороге. Чем дальше они ехали, тем гуще становился лес, и тем дальше оставалась деревня.

Наконец Лю Шаньшэнь не выдержала — подняла голову, тревожно огляделась и срывающимся голосом крикнула :

"Ты... ты куда нас везёшь?" В её голосе теперь не было слёз, только резкий, оттенок тревоги.

"Ты ведь даже в деревню не заехал! С чего ты взял, что доктор Сунь не дома? А если он там? А если дочка уже его нашла и ведёт к нам? Если мы сейчас уйдём, то как раз разминёмся! Надо вернуться, слышишь, надо вернуться!"

Она, совсем обезумев, уже потянулась, чтобы ухватить Хэ Чжэньшу за рукав.

"Тётушка Лю, успокойтесь". С трудом удерживая равновесие, попытался он её успокоить.

"Замолчи!" - неожиданно рявкнул Лю Лаосань.

С тех пор, как его посадили на телегу, он ни слова не сказал — то ли от боли, то ли от неловкости перед Хэ Чжэньшу после прошлой ссоры. Но сейчас, похоже, терпение его лопнуло.

"Целую дорогу одно и то же!" - повысил он голос. "Госпожа Пэй специально везёт нас к лекарю, и ты думаешь, он хочет, чтобы мы не успели?"

"А я то ради кого стараюсь?!" - разозлилась Лю Шаньшэнь, но, встретив тяжёлый взгляд мужа, снова сникла, голос её задрожал, и она опять разрыдалась. "Всё для тебя же... а ты..."

"Чего ты ревёшь-то? Я ж ногу сломал, а не помер..." - буркнул Лю Лаосань. Заметив, что жена заплакала ещё сильнее, тут же сдался:

"Ладно-ладно, виноват я, виноват! Ну не плачь больше, а?"

Хэ Чжэньшу устало потер ухо.

"Сломал ногу, а голос будто с горы спустился — да у него, похоже, дыхания больше, чем у здорового человека" - подумал он с лёгким раздражённым смехом.

"Вы оба успокойтесь" - сказал он и остановил повозку. Указал вперёд, в глубину рощи: "Вон там, видите? Это доктор Сунь".

....

"...Надо будет заново кость вправить" - сказал старый лекарь, осмотрев Лю Лаосаня.

"Хорошо, что успели. Ещё немного — и ногу уже не спасти".

Доктор Сунь был пожилым, седые волосы были спутанно собраны на затылке, спина чуть согнута. Он внимательно прощупал ногу и озвучил вердикт.

Лю Лаосань растерянно замер, потом обернулся, посмотрел на Хэ Чжэньшу, сидевшего спереди, на краю повозки. Хотел было что-то сказать, но доктор хлопнул его по ноге, отчего тот со стоном втянул воздух сквозь зубы.

"Не сиди, как истукан" - ворчливо сказал старик. "Поехали ко мне в лекарню, здесь нечем помочь".

Хэ Чжэньшу снова взял в руки упряжку и развернул повозку, направляя вола обратно в сторону деревни Циншуй. Когда повозка подъехала к околице деревни, они как раз столкнулись с дочерью семьи Лю — Юньянь, которая в спешке бежала из деревни.

Девушка только что вышла из лечебной хижины доктора Сунь и теперь собиралась в горы на поиски лекаря. Старик обычно уходил далеко за травами — даже Хэ Чжэньшу с Лю Лаосанем пришлось проехать немало, прежде чем они его нашли. Если бы Юньянь пошла искать его в это время, как в прошлой жизни, неудивительно, что к тому моменту, как она привела бы доктора в Сяхэцунь, уже стемнело бы.

Когда они вернулись в хижину, доктор Сунь вправил кость Лю Лаосаню и наложил лекарство. Хэ Чжэньшу не стал входить внутрь, а ждал снаружи. Лишь когда лечение закончилось, он помог им снова сесть на повозку и отвёз обратно в деревню.

У дома Лю жена первая помогла мужу спуститься с повозки и поддержала его, пока они заходили в дом. Лю Лаосань, ступая осторожно, всё ещё бледный от боли, обернулся и посмотрел на Хэ Чжэньшу — будто хотел что-то сказать, но так ничего и не произнёс. Хэ Чжэньшу и без слов понимал, что тот хотел поблагодарить его.

После этого случая Лю Лаосань наверняка поумнеет — и вряд ли осмелится когда-либо снова сплетничать о семье Пэй. Этого было достаточно.

Он уже взялся за упряжку, собираясь уехать, как вдруг кто-то мягко потянул его за рукав. Это была младшая дочь семьи Лю — Юньянь.

Юньянь не пошла сразу в дом — она достала из-за пазухи небольшую связку медных монет и протянула их Хэ Чжэньшу. Он мельком взглянул: примерно двадцать юаней.

Для обычной крестьянской семьи это была немалая сумма, особенно сейчас, когда нужно было платить за лечение Лю Лаосаня.

Хэ Чжэньшу покачал головой сказал:

"Соседи должны помогать друг другу" - сказал он спокойно. "Я не могу их взять".

"Это отец сказал, что я дала тебе их" - тихо ответила Юньянь.

Ей было всего шестнадцать, и характер у неё совсем не был такой как у родителей — мягкий, застенчивый, при разговоре со взрослыми она часто смущалась.

"Спасибо вам за помощь сегодня. Если бы не вы, мой отец, наверное, уже..." Она запнулась, помолчала, потом ещё тише добавила: "И... за то, что мой отец раньше... плохо отзывался о втором брате из семьи Пэй... В общем... простите нас. Отец уже понял, что был неправ".

Хэ Чжэньшу на мгновение замолчал — всё понял. Похоже, Лю Лаосань просто не смог сам извиниться и отправил дочь вместо себя.

.Он не стал больше отказываться, взял монеты и сказал:

"Сегодня я помог по просьбе моего мужа. Именно он хотел помочь вам. Так что благодарить должны его. А что до прошлых обид — это вообще не ко мне. Если хотите извиниться, идите к нему".

Юньянь удивлённо распахнула глаза, но всё же кивнула и тихо сказала:

"Я поняла..."

После этого быстро развернулась и побежала в дом.

Поездка в деревню Циншуй заняла немало времени — когда Хэ Чжэньшу наконец вернулся, небо уже полностью стемнело. К счастью, ночь была светлой: до середины месяца оставалось всего несколько дней, и луна с каждым днём становилась всё полнее. Её холодный серебристый свет заливал землю, позволяя различать дорогу. Дом Лю стоял на восточной окраине деревни, а усадьба Пэй — на самом западе, между ними было приличное расстояние. Хэ Чжэньшу ехал по безлюдной просёлочной дороге и вдруг поймал себя на мысли, что зря отпусти Пэй Чанлина одного....

Слишком уж тихо.

На самом деле он с детства немного боялся темноты. Даже когда ему было уже семь-восемь лет, всё равно не решался спать один и по ночам тайком перебирался в комнату родителей. Пока в повозке кто-то сидел рядом, страха не было, но теперь, когда он остался один, тревога стала подниматься, будто из ниоткуда.

Темно, глухо, всё вокруг будто застыло — и непонятно, что может скрываться в этой тьме, за

углом, в тени...

Хэ Чжэньшу чувствовал, как ладони, сжимавшие упряжку, начинают потеть. Дорога, которую он знал буквально наизусть, в ночной тьме будто растянулась в несколько раз. Всё тело Хэ Чжэньшу было напряжено до предела — и только когда впереди, наконец, показались ворота усадьбы Пэев, он смог выдохнуть. Дверь во двор была неплотно прикрыта, а на навесе у входа мерцал бумажный фонарь в бамбуковом абажуре. Похоже, внутри кто-то услышал шум, створка скрипнула, и из двора вышел Пэй Чанлин.

"Почему так долго?" - он быстро подошёл к повозке, чуть нахмурился. "Не стоило тебе одному ехать, уже так поздно. Ты ведь шуаньер, ночью на дороге небезопасно, ты..."

Он осёкся, заметив выражение лица Хэ Чжэньшу, и смягчил голос:

"Что случилось?"

"Н-ничего" - выдавил тот, отворачивая взгляд и спрыгивая с повозки.

Ноги у него подгибались после всей этой дороги. Приземлившись, он пошатнулся, и Пэй Чанлин поспешно подхватил его под руку.

"Руки такие холодные" - тихо сказал Пэй. "Замёрз?"

Хэ Чжэньшу мотнул головой:

"Не замёрз".

Пэй Чанлин поднял взгляд на тёмную дорогу, по которой тот приехал, и уголки его губ слегка дрогнули.

"Ты ведь... не боишься ли темноты?" - спросил он с лёгкой, почти невидимой улыбкой.

Хэ Чжэньшу: "..."

Тон у него был точно такой же, как утром, когда он подшучивал над Пэй Чанлином, который боялся иголок.

Он делает это специально.

Хэ Чжэньшу раздражённо убрал руку Пэя и уже собирался пройти мимо, но тот снова удержал его.

"Не буду больше дразнить" - тихо сказал Пэй Чанлин и вдруг наклонился, обнимая его.

Обнял он его едва ощутимо — руки лишь слегка легли на спину Хэ Чжэньшу, почти не касаясь. Тот сразу почувствовал лёгкий, чуть горьковатый запах трав, исходивший от него, и, будто сам того не замечая, пальцами сжал подол его одежды.

Пламя в фонаре под навесом мягко дрогнуло, осветив небольшой участок земли перед крыльцом. Эту лампу оставили для него.

Пэй Чанлин ждал, когда он вернётся домой.

Осознание этого заставило Хэ Чжэньшу прослезиться. Он немного отвернулся и пробормотал:

«Что ты делаешь?»

«Разве не говорят, что когда страшно, если кто-то обнимет — становится легче?» - спокойно ответил Пэй Чанлин, отпуская его и выпрямляясь. «Ну что, стало полегче?»

Мягкая ткань его одежды скользнула сквозь пальцы, и Хэ Чжэньшу чуть шевельнул рукой, будто не хотел совсем отпустить.

Он отдернул пальцы, так и не поднимая взгляда, тихо сказал:

«Я и не так уж боялся».

«Значит, уже прошло» - серьёзно кивнул Пэй Чанлин.

Хэ Чжэньшу опустил голову и замолчал.

В этот момент из двора слышался голос:

«Сяо Шу, ты вернулся? С дядюшкой Лю всё в порядке?»

Чжоу Юань вышел большими шагами из дома, но, заметив, какая странная атмосфера царит у ворот, замер на месте:

«Э... я что, не вовремя?» - спросил он, почесав затылок и неловко засмеявшись.

Хэ Чжэньшу: «...»

Пэй Чанлин: «...»

Пэй Ланьчжи: «...»

Чжоу Юань, всё ещё отчаянно пытаясь разрядить обстановку, пробормотал:

«Я вот думаю, слышал какие-то звуки и всё удивлялся, чего вы там так долго стоите. О чём бы вы ни говорили, может, лучше в доме? А то снаружи так темно, хе-хе...»

Не успел он договорить, как Пэй Ланьчжи пнула его под зад:

«Отведи вола в сарай и не болтай зря!»

«Да, да!» - быстро отозвался Чжоу Юань и, не смея возражать, увёл вола.

Пэй Ланьчжи отвела взгляд и пробормотала на бегу:

«В котелке осталась еда, Сяо Шу, если голоден — разогрей сам. Я... я пойду в дом».

Сказав это, она поспешно убежала, походка её выглядела непривычно растерянной.

Хэ Чжэньшу: «.....»

<http://bllate.org/book/14476/1280777>